

ФИЛОСОФИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Взгляд из Москвы
и Шанхая

Коллектив авторов

**Философия в университете.
Взгляд из Москвы и Шанхая**

«Алетейя»

2014

Коллектив авторов

Философия в университете. Взгляд из Москвы и Шанхая /
Коллектив авторов — «Алетейя», 2014

В сборнике собраны статьи профессоров и преподавателей факультетов философии Шанхайского университета и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» посвященные осмыслению роли философских курсов в системе современного университетского образования. Сопоставление работ китайских и российских авторов позволяет увидеть как общие черты, так и существенные различия ситуаций в образовании двух стран. Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного университетского образования.

© Коллектив авторов, 2014

© Алетейя, 2014

Содержание

Философия и предыстория университета	6
Университетский дух и философское образование	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Философия в университете. Взгляд из Москвы и Шанхая

Рекомендовано к печати Ученым советом факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Ответственный редактор *С Д. М. Носов*

Философия и предыстория университета

А. М. Руткевич, профессор НИУ ВШЭ

История мысли – это история мысливших людей, которые, как известно, являются социальными существами. Мы не знаем, кем был тот первый индивид, который задал философский вопрос. Вполне вероятно то, что он жил задолго до тех, кого мы относим к философам, поскольку вопросы о том, что такое пространство и время, что такое истина или справедливость, задавались людьми предшествующих античному миру цивилизаций, а в какой-то форме ставились и в палеолите. Философия и наука возникают вместе с передачей такого рода вопросов и ответов, вместе с появлением философских школ, в которых одни учат других, передают накопленные знания следующим поколениям. Университет, т. е. сообщество учителей и учеников (*universitas magistrorum et scholarium*) представляет собой одну из форм такой трансляции знаний, причем форму, которая доныне несет следы своего рождения в средневековой Европе.

Хотя сегодня университеты существуют практически во всех странах мира, университет как «форма жизни» имеет западноевропейское происхождение. Стоит вспомнить о том, что в России первый университет появился во второй половине XVIII в., а открытие последующих четырех произошло лишь в начале XIX в. (в царствование Александра I); в бывших колониях высшие учебные заведения создаются колонизаторами для решения практических задач (педагогические училища, подготовка низшего слоя чиновников-автохтонов, священников и т. п.), которые становятся настоящими университетами только во второй половине XX в. Даже в тех колониях, которые были заселены в основном европейцами (США, Австралия, некоторые страны Латинской Америки) и добились независимости к концу XVIII – началу XIX вв., формирование собственной университетской системы происходило с оглядкой на Европу. У научного знания нет национальной принадлежности, а вот формы организации хоть науки (лаборатория, институт), хоть высшего образования несут на себе следы национальных систем. Перенятая Западной Европой, а затем и Россией из США модель 4+2 (бакалавриат + магистратура) исходно была шотландской¹. Хоть деление на факультеты, хоть процедуры защиты диссертаций восходят к средневековым европейским образцам. Однако у университета были и важные предшественники, о которых часто забывают.

Высшее образование в европейской традиции неразрывно связано с философией, оно начинается в философских школах античности. Философия возникла задолго до появления университетов, да и после их возникновения могла успешно развиваться за его пределами. Как хорошо известно, начиная с эпохи Возрождения и вплоть до XIX в. наиболее значимые философские системы возникали за пределами университетов. Более того, многие выдающиеся философы той эпохи не получали университетского образования, а если получали таковое (скажем, Локк), то вовсе не философское.

Университетскому профессору и работающему в лаборатории ученому современности предшествует долгий ряд фигур со своими «формами жизни». Эти фигуры или формы именовались Гегелем то *Gestalten*, то *Geisten*, и рассматривались как порождающая современный мир науки последовательность. «История, постигнутая в понятии», «наука о являющемся знании» – такова его «Феноменология духа». Мы не являемся первыми, кто познает и передает знание посредством учительства². Далекий от всякого гегельянства историк ментальностей

¹ В Англии преобладала модель 3+2, которая сохраняется и ныне (зато срок обучения в средней школе удлинен до 13 лет). В средневековом университете обучение в бакалавриате длилось обычно 2 года.

² Гегель завершает «Феноменологию» яркой картиной последовательности, в которой «один дух сменялся другим и каждый перенимал царство мира от предыдущего»; для достижения своей цели, т. е. абсолютного знания, дух должен «пройти

дополнит эту картину детализированным рядом фигур: сменяющие друг друга схолярхи платоновской академии, странствующие киники или стоики эпохи эллинизма, монахи первых монастырей, средневековые магистры и доктора, ученые мужи из Королевских обществ и Академий XVII–XVIII вв., профессора и приват-доценты XIX в. – таковы предшественники сегодняшних ученых и преподавателей.

Существует довольно распространенное мнение, согласно которому все науки родились из философии, сама она была в античности «царицей наук», а сами эллины были народом созерцателей, предпочитавших чистую теорию (т. е. созерцание) применению знаний на практике³. Такой трактовки держатся не только восторженные почитатели античной Пайдеи, но и те наследники О. Конта, которые противопоставляют такому метафизическому созерцанию «первых сущностей» нацеленное на практику «положительное» знание частных наук. В действительности греки были весьма практичным народом мореплавателей и купцов, ценивших прежде всего богатство и власть, а потому философы, подчеркивавшие «непрактичность» чистой науки, постоянно указывали на то, что занятия «любомудрием» вырывают человека из всех его повседневных дел и обязанностей. Более того, созерцательная жизнь философа в их изображении чем-то сходна с жизнью монаха-отшельника. В большинстве античных учений вершину философского знания не случайно именовали «теологией»; как отмечал В. Йегер, раннюю греческую философию можно рассматривать как *modus deum cognoscendi et colendi*, даже как своего рода религиозную секту⁴. Позднеантичная философия была ничуть не меньше связана с теологией, чем христианская мысль, только обосновывалась посредством неоплатонизма не религия откровения, а традиционная мифология эллинов и римлян.

Не была античная философия и «наукой наук». Некоторые науки возникали вообще без заметной связи с философией (медицина, история), другие очень быстро от нее отделились. Уже в знаменитых классификациях наук, которые обнаруживаются в «Государстве» Платона и в «Метафизике» Аристотеля, философия представлена как вершина познания («диалектика» Платона, «первая философия» Аристотеля), но никак не отождествляется с математикой, физикой или биологией. Появляется и тип ученого, который занимается преподаванием своей конкретной дисциплины, но оставил занятия философскими вопросами – таков один из героев платоновского диалога «Теэтет», таков софист Продик. В дальнейшем, в эллинистическую эпоху, число таких ученых быстро возрастает. Уже наследник Аристотеля, глава Лицея Теофраст, известен прежде всего как ботаник; Эвклид и Архимед, Аристарх Самосский и Клавдий Птолемей философией, насколько нам известно, вообще не занимались. Появление специальных наук ведет и к трансформации образования.

Не только ныне, но и в античности подготовка медика, инженера или архитектора происходила почти без всякой связи с философией. Передача набора знаний и навыков для овладения специальностью вообще не предполагает трансформации внутреннего мира обучаемого, того, что мы называем воспитанием. Если использовать английские термины, *training* совсем не обязательно сопровождается *education*. Хотя в прошлом, хотя сегодня подготовка инженера лишь в минимальной степени связана с *education* (если не относить к последнему идеологиче-

путь воспоминания о духах, как они существуют в нем самом и как они осуществляют организацию своего царства». См.: Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. IV, М., Госполитиздат, 1959. С. 434

³ Иной раз подобные утверждения встречаются у незаурядных исследователей истории мысли. «В сущности, греки *не хотели* действовать. Они считали практическую деятельность низменной и ремесленной, считали ее упадком по сравнению с единственным достойным человека занятием – чисто рациональным и философским созерцанием». См.: Йейтс Ф. А. Джорджано Бруно и герметическая традиция. М., 2000. С. 147. Так, действительно, считали многие греческие философы и ученые – кстати, и некоторые современные ученые держатся сходных представлений, полагая познание мира высшей задачей человека. Только подавляющее большинство эллинов никак не были философами-созерцателями, но народом, заселившим все Средиземноморье, занятым торговлей, бесконечными войнами, распрями в самих полисах, захватами территорий и т. п. Если следовать этому довольно распространенному образцу, то об основных мотивах жителей Западной Европы начала XX в. следовало бы судить по представлениям о жизни Нильса Бора или Эйнштейна.

⁴ См.: Jaeger W. The theology of the Early Greek Philosophers. Oxford Univ. Pr., 1947. Ch. X.

ское «промывание мозгов»). Так как передаются полезные навыки, овладение которыми даст дополнительные доходы в будущем, такого рода training вполне уместно называть «образовательной услугой», которую следует оплачивать тому, кто ее получает.

В случае философии ситуация является иной. Разумеется, философам необходимо иметь многочисленные skills, знание данных позитивных наук, но философия всегда включает в себя не только вопросы об устройстве мира, но также *ценностные* суждения и установки (добро, справедливость, прекрасное и т. д.). Наряду с вопросом: «Что я могу знать?» всегда ставятся вопросы: «Что я должен делать?», «Как следует жить?» и им подобные. В небольшом эссе «К социологии метафизики» М. Шелер отмечал, что к философии всегда обращаются небольшие по своему числу группы людей, «духовные элиты, которые, будучи свободны от религиозных и прочих традиций своих жизненных сообществ и от хозяйственного труда, имеют свободное время исходя из чисто теоретической установки рассматривать мир в его идеальных *сущностных структурах* и разрабатывать, в связи с состоянием знания эпохи в *позитивно научном* плане, *вероятные гипотезы о последних основаниях вещей*. Но поскольку целостность мира как таковая теоретически доступна только целостности одной *личности*, постольку метафизика необходимо обусловлена *личностно* или ее носителями являются так называемые “школы” метафизической мудрости, группирующиеся вокруг одной личности»⁵.

Философия могла существовать в рамках средневекового университета, она присутствует в университетах сегодняшних, но к *сущности* философского образования это не имело и не имеет отношения, поскольку речь идет либо об элементах философии, необходимых хоть средневековым юристам, хоть сегодняшним инженерам или менеджерам, либо о подготовке тех преподавателей философии, которые этих будущих специалистов обучают. Подлинно философское образование есть передача умения философски мыслить, осуществляющаяся посредством передачи таких навыков от одной личности к другой. Философия куда более *индивидуальна*, чем позитивные науки⁶: история философии поэтому имеет больше общего с историей живописи или музыки, чем с историей химии или биологии, несмотря на то, что основания этих наук были заложены именно философами.

Уже поэтому философская школа не была в античности ни единственным, ни даже главным институтом высшего образования. Таковым была *риторская школа*, первый образец которой был создан старшим современником Платона, оратором Исократом. Этот проживший почти сто лет (436–338 гг. до н. э.) идеолог панэллинизма может считаться основоположником того, что впоследствии получит наименования *liberal arts* или «классическое образование».

Хотя Исократ опубликовал речь против софистов, в педагогике он был их наследником, а именно Протагора и Продика. В созданной им (примерно в 390 г. до н. э.) риторской школе за немалые деньги учили примерно сотню тех, кто намеревался заниматься не философским созерцанием, но будущую правящую элиту. Основы философии и ряда теоретических дисциплин входили в программу этой трехлетней школы именно потому, что оратор (политик, юрист) в своей деятельности мог столкнуться с самыми разнообразными предметами, а потому должен был иметь достаточно широкий кругозор. Главным предметом была риторика, но обучали и этой школе и владению оружием, и конной скачке – классическое образование исходно было «классовым»⁷, образование исходно было «классовым» образование исходно было «классовым»

Именно риторские школы становятся основным институтом образования эллинистических царств, а затем Древнего Рима. Философия занимала в них почетное, но сравнительно

⁵ Шелер М. Проблемы социологии знания. М., 2011. С. 88.

⁶ Поэтому у иных философов можно найти язвительные суждения относительно представителей конкретных наук. Вроде следующего: «Ученый – стадное животное в царстве познания. Он занимается исследованиями, потому что ему так велено и потому что он видел, что до него так поступали» (*Ницше Ф.* Воля к власти. М., 2003. С. 550).

⁷ Собственно говоря, латинское слово *classici* обозначало именно принадлежность к патрициям, а не к плебеям.

небольшое место: начала логики, этики, политики считались необходимыми, но целью образования была вовсе не подготовка ученого.

Цицерон дал самое известное обоснование такого образования в своем сочинении «Об ораторе». Хотя сам Цицерон был популяризатором эллинской философии среди римлян (и получил очень хорошее философское образование), оригинальным философом он все же не был – знаменитый юрист и политик занялся философией после того, как оказался в ссылке. Для таких *людей дела* философия всегда имела и имеет прикладной характер и изучается не в качестве самоцели. Для того, кто учился в риторской школе, «карьера» отрастившего бороду и взявшего страннический посох киника никак не могла бы показаться привлекательной. Высшее образование получали для того, чтобы делать совсем иную карьеру. Судя по дошедшему до нас суждению Конфуция, нечто подобное происходило и в Китае, где высшее образование также стало отходить от «школ мудрости»: «В древности учились для того, чтобы усовершенствовать себя, ныне учатся для того, чтобы стать известными среди людей».

Вероятно, некоторую роль в том, что место чистого созерцания («теории») в римском образовании было сравнительно небольшим, играла ментальность латинян. Даже у известнейших римских мыслителей (за исключением Лукреция) почти вся философия сводится к этике и политике. Вергилий в «Энеиде» четко противопоставляет миссию греков и римлян: первые велики в своих занятиях искусствами и науками, вторые являются прирожденными господами мира, правителями⁸. До нас дошло множество имен римских ораторов и юристов, а вот число философов совсем незначительно. То, что даже преподаватели этих риторских школ не слишком увлекались философией, можно судить по воспоминанию Августина о годах своей работы в качестве такого преподавателя: он был чуть ли не «единственным, прочитавшим и понявшим» логическое сочинение Аристотеля («Категории»)⁹.

Но было в Римской империи и высшее учебное заведение, в котором философия играла ведущую роль. Император Марк Аврелий, который и сам был философом-стоиком, в 176 г. создал в Афинах государственное высшее учебное заведение, объединив четыре философских школы (платоников, аристотеликов, стоиков и эпикурейцев). Красочное описание посещения этой школы апостолом Павлом оставил его ученик Лука в «Деяниях апостолов»; в письмах Григория Богослова мы находим описания даже студенческих забав древних времен. Об авторитетности этого учебного заведения можно судить хотя бы потому, что одновременно с Василием Великим и Григорием Богословом в «Атенеуме» учился будущий император Юлиан Отступник. Известно, что в Константинополе высшее учебное заведение было создано императором Феодосием II (Пандидактерион, 425 г.) как христианская высшая школа в оппозиции остававшимся языческим Атенеумом.

Собственно говоря, непосредственным предшественником западноевропейских университетов является именно этот константинопольский вуз, который довольно часто именуют «университетом». Феодосий учредил в нем 31 кафедру (философия, право, астрономия, риторика, арифметика, музыка и т. д.), причем примерно поровну было предметов на греческом и латинском языках. Не вдаваясь в подробности того, каким было начальное и среднее образование в Византии, стоит сказать, что оно было безусловно куда более основательным, чем все то, что имелось в средневековой Западной Европе. Византия унаследовала от античности не только форму среднего образования («грамматическая школа»), но и содержание – вплоть до XV в. ученики этой школы читали и комментировали Гомера. Философии в этом «университете» уделялось большее значение, чем в риторских школах Рима – Платона и Аристотеля образованный представитель чиновничьей элиты Византии чаще всего читал. Но целью

⁸ «Римлянин! Ты научись народами править державно – В этом искусство твое! – налагать условия мира, Милость покорным являть и смирять войною надменных» («Энеида», VI, 849–852, пер. С. Ошерова).

⁹ *Августин Аврелий*. Исповедь. Книга четвертая. Гл. XVI.

была подготовка именно государственных и церковных деятелей, а не ученых как таковых. Основанная в IX в. другая высшая школа («Мангавра») готовила прежде всего юристов. Существовала патриархальная высшая школа, готовившая богословов, существовала школа, выпускавшая медиков. К тому же в Константинополе вплоть до его падения в середине XV в. сохранялись частные риторские школы.

Византия очень многое унаследовала от античности, она даже по самоназванию была империей римлян («ромеев»). При высокой степени централизации эта империя довольствовалась высшим образованием исключительно в столице (тогда как в Западной Европе уже на XIII в. было несколько десятков конкурирующих университетов); корпорация ученых не могла возникнуть уже потому, что будущие администраторы, богословы, медики учились в своих обособленных школах; не получила никакого распространения сложная система дипломов и научных степеней. Не только знать, но и обеспеченные горожане Византии были несравнимо более образованными, чем их западноевропейские современники, причем не только в «темные века» Западной Европы (с VI по XII вв.), но и позже. Вплоть до XVII в. феодальная аристократия Франции (не говоря уж о Германии) была невежественной, не имела никаких потребностей в интеллектуальном развитии: «Презрение к учебе и манерам поведения оставалось визитной карточкой французской аристократии – такая форма ее социального поведения продолжала господствовать даже в начале XVII в.»¹⁰

Превращение малограмотных рыцарей и воинственных баронов в изящных придворных происходило на протяжении ряда веков¹¹.

Как и многие другие свершения в истории человечества, западноевропейский университет возник из нужды, из нехватки, даже ничтожества. Не только Византия, но и арабские государства на XII в. неизмеримо превосходили Западную Европу по уровню образования. В результате завоевания Западной Римской Империи варварами образованность сохранилась только в монастырских школах, да и в них уровень этой образованности был весьма низким. В какие-то моменты, вроде «каролингского возрождения» ситуация начинала меняться к лучшему, но затем следовали новые нашествия (норманны, венгры), да и хаос феодальной раздробленности препятствовал усилиям тех немногих, кто пытался усовершенствовать образование.

Так как предметом данной статьи является место философии в предшествовавших университету институтах высшего образования, я не стану рассматривать ни процесс формирования университетов, ни появление новой социальной группы «клириков», «интеллектуалов средневековья», как назвал их Ж. Ле Гофф в своей известной книге. Отмечу лишь то, что университет был порожден совсем не «идеалистическими» побуждениями, но практической потребностью как католической церкви, так и укрепляющейся монархии в образованных «кадрах», а шли учиться в университет тоже весьма прагматичные люди, желающие заниматься вовсе не научными штудиями: «Школяры мыслили практически. Чтобы получить доходное место, достаточно было хотя бы изучить свободные искусства. После квадривиума покидали школу, получив бенефиций. Теологией или вообще отказывались заниматься, или возвращались к ней позднее, после длительного перерыва, часто ради собственного удовольствия, дабы отвлечься от скучной жизни каноника или приходского священника. Перед студентом, который не довольствовался образованием первого уровня, стоял выбор между различными предметами высшего образования: медициной, каноническим и гражданским правом, теологией; но как человек практичный он устремлялся к наиболее выгодному. С гражданским правом он мог стать судьей и управляющим при светском сеньориальном дворе; с правом канониче-

¹⁰ Голубков А. В. От *disputatio* к *conversation erudite*: стратегии аргументации во французских академиях XVII в. // Полемика культура и структура научного текста в Средние века и раннее Новое Время, М., ВШЭ, 2012. С. 441.

¹¹ Этот «процесс цивилизации» был детально описан в историко-социологических трудах Н. Элиаса.

ским он годился на те же должности при церковных сеньорах. Медицина тоже уже становилась прибыльным ремеслом. Среди этих новых умонастроений положение теологии было весьма плачевным; но те, кто управлял духовенством и хотел удержать его на традиционной стезе, не могли допустить принесения ее в жертву»¹².

Философию на уровне тривиума и квадравиума вряд ли вообще можно считать «высшим образованием»: француз, немец или британец в первые два года обучения в университете, во-первых, изучал латинский язык, а во-вторых, получал отсутствовавшее у него среднее образование – в университет он приходил едва умея читать и считать. Но именно эта малообразованность даже верхушки европейского общества содействовала появлению университетской корпорации. Перед тем, как изучать богословие, медицину или право, студент должен был получить общее образование, стать хотя бы бакалавром «свободных искусств». Хотя в Риме, хоть в Константинополе в существовавшие по отдельности медицинские, правовые (а в Византии и в богословские) школы приходил имеющий неплохую школьную выучку молодой человек. В Болонский или Парижский университет поступали лица только с начальным образованием, а потому потребовалась та «нулевая» ступень, которую представлял собой бакалавриат «свободных искусств». То, что бакалавры и магистры этого факультета именовались «философами» не должно вводить в заблуждение: наряду с азами математики и физики в обучении присутствовали такие же азы логики и «диалектики». Но из этого факультета в дальнейшем разовьются почти все сегодняшние факультеты естественных и гуманитарных наук, и научные степени большинства дисциплин мы по традиции называем магистрами и докторами философии (PhD), в отличие от юристов, медиков и богословов.

Подлинная философия в Средние века существовала не на этом подготовительном факультете, самом массовом, привлекающем всех тех, кто желал богатства и власти. Она почти целиком создавалась богословами. Ведущие средневековые философы – это богословы, многие из которых (хотя не все) были профессорами теологии. А у теологического факультета был важный предшественник – монастырская школа. Подвижническая деятельность на ниве образования сначала бенедиктинцев, а затем – уже в университете – доминиканцев и францисканцев описана в многочисленных трудах. Если же брать содержательную сторону, то путь к естественной теологии Фомы Аквинского начали пролагать еще первые апологеты христианской церкви, организовывавшие богословско-философские школы в Александрии (Климент Александрийский, Ориген). По существу, эти первые богословские школы многими чертами напоминали философские школы эллинистического мира, но они отличались от последних уже тем, что готовили от имени церкви и для ее нужд. Мудрость прославляется во многих книгах Ветхого завета; уже предшественники христиан, иудеи, вроде Филона Александрийского, стали сочетать монотеистическое богословие с любомудрием язычника Платона. Если исключить из философских сочинений некоторых христианских мыслителей прямые ссылки на Библию, то они практически ничем не отличаются от трудов неоплатоников-язычников. Средневековые богословы были прямыми наследниками античной философии; вопреки расхожему клише, согласно которому античная мысль была «возрождена» где-то в Италии в XV в., она вовсе не «умирала» в Средние века¹³.

Если посмотреть на наследие античного высшего образования в современных университетах, то след этот лучше всего заметен в тех из них, где сохраняются факультеты *liberal arts*. В некоторых странах, прежде всего в США, доныне существуют небольшие частные колледжи, дающие превосходное (и очень дорогое!) образование для представителей *upper class*. Учат там по тому образцу, который дала еще риторская школа Исократы: дети правящих учатся править,

¹² Люшер А. Французское общество во времена Филиппа-Августа. СПб., Евразия, 1999. С. 339.

¹³ Правда, в поздней схоластике эта мысль приобрела такой облик, что у Петрарки, Рабле или Вивеса были все основания для того, чтобы противопоставлять ей куда более живые античные образцы.

а потому им не требуется узкоспециальные знания. В конце концов, хорошо знающий математику, философию, основы естественных и гуманитарных наук молодой человек без особого труда может затем доучиться экономике или праву в соответствующей магистратуре или в business school. Но элементы liberal arts зримо присутствуют и в наиболее престижных крупных университетах США. Бакалавриат Гарварда, Принстона или любого другого университета Ivy League предполагает обязательное знакомство с «классикой» (прежде всего это Great Curricula Book). Наиболее распространенными и разработанными являются две модели такого образования: университеты Гарварда и Колумбии¹⁴.

Из крупных мыслителей XX века ведущим апологетом такого образования можно считать Лео Штрауса, для которого самым главным элементом в элитарном классическом образовании является философская классика. Именно чтение трудов философов прошлого способно возвысить учащегося над узостью специальных знаний и миром теней современной массовой культуры¹⁵. Такое образование неизбежно является элитарным и даже аристократическим, причем не только потому, что не все способны его оплатить: у большинства современников нет ни достаточных интеллектуальных способностей, ни мотивов для чтения мудрецов ушедших эпох. Отличие от образования, получаемого на философских факультетах тоже понятно: на этих факультетах учат будущих преподавателей философии, т. е. специалистов, тогда как классическое образование «свободно» в том числе и от узкой специализации.

Вероятно, вполне уместно оставлять наименование «классическое образование» именно тем университетам, которые в той или иной степени связаны с этой древней традицией. Когда в сегодняшней России «классическими» себя стали называть советские университеты (в большинстве своем пединституты, превращенные в университеты в 1970-е гг.), с их узкоспециализированным пятилетним образованием, это может вызвать или недоумение, или насмешку. Классическое образование было (а там, где оно сохранилось, остается) именно классовым образованием для потомков наиболее просвещенной части правящего класса.

Философия в таком образовании занимает важное, но совсем не определяющее место, как это было и в риторских школах античности. Мы живем в мире узкой специализации, труда, личных усилий в карьерном росте, а потому сохранившиеся факультеты liberal arts чаще всего заполнены студентками из «хороших семей» – невестами будущих управляющих крупных корпораций. Именно поэтому мечты консерваторов, вроде Лео Штрауса, вряд ли имеют малейшие шансы на осуществление – к прежнему классовому образованию современные общества не вернутся.

Хоть в античной риторской школе, хоть в средневековом университете, хоть в современном вузе философия выступает как важный элемент образования, более того, как условие возможности изучать в дальнейшем математику или архитектуру, химию или историю. В некоторых странах (Франция, Испания) философия основательно изучается в последнем классе средней школы, в других она проходится на первом курсе вуза, как в России. В лучших университетах США, возглавляющих все мировые рейтинги, философия в строгом смысле является курсом по выбору, но в бакалавриате имеется несколько обязательных предметов, предполагающих изучение философской классики, наряду с великими произведениями литературы. Таково наследие риторских школ античности и «факультета искусств» средневекового университета.

Что же касается философских школ, то они постепенно переместились в университеты. Происходило это на протяжении XIX–XX вв. – вместе с ростом всей сферы высшего образования возникало все больше преподавательских ставок с неплохой оплатой труда. Но мно-

¹⁴ См.: *Belknap R. L., Kuhns R.* Tradition and Innovation. General Education and the Reintegration of the University. A Columbia Report, N.Y., 1977.

¹⁵ См.: *Штраус Л.* Что такое классическое образование? // *Штраус Л.* Введение в политическую философию. М., 2000.

гие важнейшие направления европейской философии возникали за пределами университета и лишь через долгие десятилетия в него проникли. Маркс и Бакунин, Кьеркегор и Ницше, Камю и Бердяев профессорами философии не были¹⁶; не были таковыми и те ученые, которые создавали квантовую механику, астрофизику, генетику и прочие науки, которые радикально изменили наше видение космоса на протяжении XX века.

Философские факультеты готовят будущих преподавателей философии в средней и в высшей школе, они способствуют тому, что элементы философских знаний имеются у представителей других наук и – что еще важнее – у образованных граждан, поскольку любое обсуждение таких тем, как «демократия» или «права человека» требует известной философской грамотности. В какой-то степени эти факультеты продолжают выполнять и роль, сходную с той, которая имелаась у философских школ античности. В некоторых странах (прежде всего в Германии) университеты были местом возникновения ведущих философских школ. Однако, в отличие от специализированного научно-технического образования, которое можно получить исключительно на соответствующем факультете, передача философских знаний и умений по-прежнему возможна и вне всякой связи с такого рода социальными институтами. Наличие профессиональной «выучки» на философском факультете сочинению собственной философской доктрины чаще способствует, но иногда и мешает.

Философия – если подразумевать под нею именно ее, а не нечто иное – не была «служанкой» ни теологии, ни науки, ни идеологии. Формы образования менялись и меняются; вероятно, весьма скоро дистанционные курсы по логике или этике потеснят занятия в университетских аудиториях. Это не изменит того, что философия есть особого рода опыт отношения части (человека, мышления) и целого (Космоса, Бога, Вселенной) – опыт «ученого незнания», словами Николая Кузанского, науки, не имеющей предпосылок, поскольку все эти предпосылки еще следует обосновать самому философу, а доставшиеся ему от традиции и от общества его времени аксиомы и мнения сомнительны.

Философия автономна по своему содержанию и по своим методам, она зачастую парадоксальна¹⁷, а от любой науки отличается не только и не столько уровнем теоретических обобщений (предметом философии могут быть и совершенно конкретные индивидуальности), но и тем, что «теория» в ней по-прежнему понимается как «созерцание», а не совокупность абстрактных понятий.

Словом, философия возникла задолго до университета и, может быть, его переживет. Но она появилась в определенную эпоху в конкретных исторических обстоятельствах, и одним из важнейших было то, что появились институты передачи философских вопросов и ответов на них. Практически одновременно возникли институты высшего образования, готовящие к будущей деятельности вовсе не философов, но тех, кому элементы философских познаний оказались необходимыми для политической, юридической, богословской, научной карьеры. Ее существование в современном университете почти целиком определяется этой задачей, но такой была ситуация философии на протяжении почти всего ее существования.

¹⁶ Таковыми не были на 1920–1930-е гг. ни Витгенштейн, ни большинство членов «Венского кружка», ни основоположники Франкфуртской школы.

¹⁷ Как писал Х. Ортега-и-Гассет: «Вся философия – парадокс, она расходится с нашими естественными представлениями о жизни, потому что подвергает теоретическому сомнению даже самые очевидные, бесспорные в обычной жизни верования». См.: Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1990. С. 102.

Университетский дух и философское образование

Чжу Чэн, профессор Шанхайского университета

Зачем необходимо университетское образование? Чему должны учить университеты? Должны ли они обучать студентов зарабатывать себе на жизнь? Или поощрение к зарабатыванию на жизнь должно определяться высшими принципами? Это вопросы, которые требуют тщательного анализа ученых, работающих в сфере университетского образования как в настоящее время, так и в будущем, и только получив ясные ответы на эти вопросы, сформировав некую базовую теорию, можно будет еще лучше осуществлять процесс университетского образования. В то же время, люди, пришедшие в университет получать образование, тоже должны четко ответить на вопрос: для чего именно мы пришли в университет? Только ли для того, чтобы научиться искусству зарабатывать себе на жизнь? Какими людьми мы станем в стенах университета? Какими путями мы будем идти к достижению собственных целей? Все эти вопросы имеют существенное значение для всех людей, работающих в системе университетского образования.

1. Миссия университетского образования

Университет – это не только место подготовки кадров, научных исследований, социальных услуг и передачи культурных традиций, но и в большей степени символ духа общества, символ культуры. Университеты не только создают знания, передают культуру, но и, что более важно, формируют интеллект, распространяют идеи. Знаменитый испанский мыслитель Хосе Ортега-и Гассет в своем труде о миссии философии говорил о том, что построение в рамках университета идеологической концепции, отвечающей требованиям времени, формирование возвышенного духовного мира, «передача человечеству культуры эпох, ясное и достоверное раскрытие ему огромного мира, в котором может найти объяснение жизнь современного человека» является основной функцией, которая ставит университеты выше остальных общественных организаций.

Прежде всего университеты должны воспитывать у студентов «человеческую мораль» с тем, чтобы они могли соответствовать высокому уровню требований, которые предъявляют им нормы эпохи. Он настаивал на развертывании в университетах изучения культур – «необходимо утвердить факультеты культуры в качестве основы в университетах и всего высшего образования в целом», сформировать идеологическую концепцию, отвечающую требованиям времени и сделать ее основой всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.